

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ САМОДЕРЖАВИЯ С ИЗДАНИЯМИ ГЕРЦЕНА

Сообщение Е. П. Федосеевой

Извещая в мае 1853 г. редакцию «Польского демократа» о создании трибуны вольной русской речи за пределами России, Герцен писал: «Основание русской типографии в Лондоне является делом, наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел» (VII, 234).

Революционное значение предпринятого Герценом дела было сразу же понято самодержавием. На борьбу с вольной русской печатью царское правительство двинуло все силы, какими только располагало. Типография вольной русской печати в Лондоне начала свою работу 22 июня 1853 г., а уже 24 июня шеф жандармов писал министру народного просвещения о сделанных им распоряжениях и принятых срочных мерах по усилению на таможене надзора за всеми русскими книгами и газетами, привозимыми из-за границы в Россию (И. С. С м о л и н. Царизм в борьбе с вольной печатью Герцена.— «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 61, Л., 1947, стр. 49—70. Ср. также: ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 6, д. № 150371).

Царские чиновники действовали настолько ретиво, что часто наряду с запрещенными отбирали массу дозволенных изданий. Последних было так много, что в 1858 г. председатель Комитета иностранной цензуры Ф. И. Тютчев в специальном докладе министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому ставил вопрос о возвращении владельцам отобранных на таможене дозволенных книг (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 7, д. № 151882).

Одновременно III Отделение направило в Лондон для слежки за Герценом своих агентов. Герцен неоднократно разоблачал шпионскую деятельность агентов III Отделения и публиковал против них в «Колоколе» обличительные статьи: «Предостережение. В редакцию „Польского демократа“», «Подрядчики русского посольства в Лондоне», «Хроника террора», «Список лиц, которых правительство велело арестовать при возвращении из-за границы» (IX, 45—46; XV, 338—339, 378—379).

Однако таможенные строгости и полицейские преследования не могли остановить распространение вольной печати Герцена в России. Не оправдали себя и строжайшие цензурные запреты писать о Герцене в легальной русской печати. Слово Герцена все шире и шире разносилось по русской земле. Тогда-то и зарождаются в правящих кругах планы организации литературной борьбы с вольной печатью Герцена.

Одно время в официальных сферах вынашивали мысль о необходимости направлять соответствующим образом русскую литературу, «дабы все ее силы, могущие иметь в настоящее время огромное значение, употребить на пользу общую и на услуги правительству» (из докладной записки председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ министру

народного просвещения А. В. Головнину от 27 мая 1862 г. — ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, л. 67).

Вместе с тем было решено разработать и представить на рассмотрение Цензурного комитета и Александра II проекты программ частных русских заграничных журналов, которые должны были бы «согласовать обоюдные разномыслия правительства и общественного мнения» (ЦГИАЛ, ф. 772, оп. 8, д. № 103 за 1862 г., л. 124). Еще 6 февраля 1861 г. Ф. И. Тютчев представил министру просвещения Е. П. Ковалевскому докладную и объяснительную записки к проекту программы предполагавшегося им к изданию в Лейпциге русского журнала, который мыслился Тютчевым как «примирительное посредничество» правительства и общественного мнения. «Это посредничество, — указывал Тютчев, — может выражаться только литературой, в форме частного журнала, вполне беспристрастного и который служил бы правительству опорой в общественном мнении. В таком журнале необходимо допустить справедливую, сдержанную в границах благоразумия оппозицию правительству в обнаружении его необходимых недостатков, оппозицию — необходимую в двояком отношении: во-первых, потому, что само правительство нуждается в откровенных и с благоразумною целью сообщаемых указаниях, а во-вторых, и потому, что беспристрастная оценка действий правительственных возвысит кредит журнала во мнении общественном и придаст вес его суждениям в тех случаях, когда ему придется опровергать ложные мысли врагов государственного порядка» (там же, лл. 124—125).

Однако правительство отказалось от этого плана. Председатель Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ в «Замечаниях на проект программы предполагаемого к изданию в Лейпциге русского журнала» доказывал неосуществимость плана примирения «общественного и правительственного мнения» (там же, лл. 126—133. О более раннем предложении создать журнал «для борьбы с Герценом и К^о» см. IX, 444—445).

В марте 1861 г. правительство разрешило к продаже в России изданную за границей клеветническую брошюру Шедо-Ферроти (литературный псевдоним платного агента царского правительства барона Ф. И. Фиркса) «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти». В апреле того же года аналогичное разрешение было дано и Н. В. Елагину, служившему с 1857 г. чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры и напечатавшему в Берлине в 1859 г. пасквильную брошюру «Искандер-Герцен». Публикуемые ниже документы (№№ 2—5) объясняют мотивы, по которым цензурное ведомство в течение ряда лет отказывало Елагину в его просьбе, и освещают заключительный этап этой истории: разрешение брошюры по личному указанию Александра II.

Выступления Шедо-Ферроти и Елагина против Герцена за границей и продажа их изданий в России были началом борьбы правительства через организованную им рептильную прессу с вольной печатью Герцена. Эти выступления получили отпор со стороны передовых революционных кругов русского общества. В защиту Герцена и его вольной печати Д. И. Писарев написал статью — резкий памфлет против Шедо-Ферроти. За попытку напечатать нелегально эту статью Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость.

Следующим звеном в развертывавшейся реакционной кампании против Герцена явилось известное «Письмо» Б. Н. Чичерина, опубликованное еще в 1858 г. в «Колоколе» с полемическим предисловием Герцена, под заглавием «Обвинительный акт» (л. 29), и перепечатанное в 1862 г. в издававшейся Н. Ф. Павловым и субсидируемой правительством газете «Наше время». Приводимые ниже документы о разрешении этой публикации (№№ 6—8) свидетельствуют, что она была предпринята с одобрения прави-

тельства и по прямому указанию Александра II. Продолжая борьбу с Герценом, та же газета поместила в дальнейшем семь статей, под общим заглавием «г. Герцен и г. Огарев (Русская литература за границей)» («Наше время», 1862, №№ 166, 169 и 188); вслед за тем в газете появилось несколько статей, озаглавленных «Письмо провинциала к редактору „Нашего времени“ (По поводу статьи о русских агитаторах)» («Наше время», 1862, №№ 196 и 248; 1863, №№ 8 и 11). Не отставали от нее «Сын отечества», «Домашняя беседа» и другие реакционные газеты и журналы. Но наибольшую активность проявил в этой реакционной травле Герцена и его изданий Катков. Он выступил с резким выпадом против Герцена (не называя его имени) 16 мая 1862 г. в № 20 «Современной летописи» «Русского вестника» и поместил в июньском номере «Русского вестника» свою «Заметку для издателей „Колокола“». В № 23 «Современной летописи» Катков опубликовал еще одну заметку, направленную против «наших заграничных réfugiés*». В сентябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 г. была опубликована статья за подписью «Д. П.»—«Новые подвиги наших лондонских агитаторов».

Перепечатка этих статей другими органами печати производилась, как свидетельствуют помещенные ниже документы (№№ 9—11), по прямому указанию правительства, намечавшего для этого наиболее распространенные издания.

Двойственную позицию заняла в этой полемике «Северная пчела»: с одной стороны, она поместила в защиту Герцена письмо А. Бенникова издателю (№ 203), осуждавшее тон «Заметки для издателей „Колокола“» Каткова, и статью «Несколько слов по поводу одного нового вопроса в русской публицистике» (№ 282); а с другой стороны, эта же газета перепечатывала статьи против Герцена (см. XV, 442—443 и 450—451). Выступления «Северной пчелы» нашли свое отражение в документах №№ 12—14.

Правительство стремилось оградить Каткова от критики в русской печати. С этой целью 30 июля 1862 г. министр народного просвещения Головин издал особое распоряжение — не пропускать ни одной статьи против Каткова без предварительного рассмотрения председателя цензурного комитета. В «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 г.», перечислено пять статей, запрещенных по этой причине. Несмотря, однако, на строгую цензуру, в ряде сатирических изданий проскальзывали сочувственные нотки по адресу Герцена, а кое-где появились даже насмешливые отклики на выступление Каткова против Герцена.

Статьи Каткова, Павлова и Чичерина, вопреки ожиданиям правительства, не вызвали в обществе сочувствия и несколько не могли дискредитировать Герцена (XV, 451—454; «Русский архив», 1911, № 3, стр. 408). Статья Каткова «вместо уменьшения доверия Герцену, только усилила его авторитет» (см. док. № 17). Цензор Пеликан указывал, что статьи Каткова были встречены «неодобрительными отзывами» периодической печати (док. № 16), а журналист Д. Ф. Шеглов утверждал, что «статья Каткова возбудила всеобщее осуждение в русской журналистике» (док. № 15). В магазине Дюфура, где продавались брошюры Шедо-Ферротти, содержавшие не только его критические замечания против Герцена, но и выписки из самого Герцена, «почитатели Герцена, по уверениям автора брошюры, вырывали на глазах у приказчиков магазина текст письма Герцена из его второй брошюры, чтобы выделять слова дорогого учителя из пучины критики и оскорбления...» (С. Неведенский и Катков и его время. СПб., 1888, стр. 142).

Потерпев неудачу в литературной борьбе с Герценом, царское правительство вновь вернулось к тактике его замалчивания.

* эмигрантов (франц.)

Публикуемые ниже документы вскрывают некоторые закулисные пружины литературной политики самодержавия в борьбе с Герценом.

Документы извлечены из хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) личных фондов министра народного просвещения А. В. Головнина и председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез, а также из фондов Главного управления цензуры (№ 772) и Особенной канцелярии министра народного просвещения (№ 773) Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ).

1

1862 г. До мая 27¹.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЗ
О ПОИСКАХ НОВЫХ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С «КОЛОКОЛОМ» ГЕРЦЕНА

«...»² Мысль о возражении на статьи «Колокола» имеет некоторое основание, но при более глубоком обсуждении этого вопроса представляются следующие соображения: для точного и положительного опровержения какой-нибудь мысли надобно представить ее ясно и полно на суд читателя, а потом уже разбирать ее в подробности и доказывать систематически наглядно всю неосновательность и противоречие, иначе едва ли можно достигнуть убедительного опровержения. Следовательно, при таком способе действий придется почти целиком перепечатывать в «Северной почте» статьи лондонского журнала, разумеется, с надлежащим на оные возражением, но если делать это часто, что, без сомнения, потребует самое свойство и направление «Колокола», то не будет ли это тождественно допущению этого журнала ко всеобщему чтению в России? Наконец, кроме «Колокола» существуют еще и другие подобные ему журналы, как, например, «Будущность». Следовательно, правительство будет находиться в постоянной полемике с этими враждебными ему изданиями, причем невыгода окажется решительно на стороне правительства, потому именно, что те классы нашего общества, между которыми распространен «Колокол», вовсе или почти не читают «Северной почты», та же часть публики, которая следит за нашими официальными и полуофициальными газетами, как уже более зрелая, менее нуждается в опровержении неосновательных и даже нелепых статей этого демагогического журнала.

Нам кажется, что вредное влияние «Колокола» и всех ему подобных журналов может быть устранимо более прочным и для правительства более достойным образом следующими мерами: во-первых, в случае, если бы «Колокол» или другое подобное ему заграничное периодическое издание сообщило в своих столбцах какой-нибудь факт совершенно ложный или в превратном виде представленный, то вслед за появлением о сем статьи, должно быть не только в «Северной почте», но и во всех русских периодических изданиях напечатано точное и положительное опровержение без всякой полемики с редакторами заграничных журналов; этим потрясается доверие к правдивости сих журналов, а это будет уже великий шаг к ослаблению их влияния; во-вторых, правительство может парализовать сильное сочувствие к статьям подобных журналов, продолжая неотлагательно и неуклонно те благодетельные реформы, которые начаты со вступления на престол ныне царствующего государя императора. Даровав низшему, необразованному слою общества свободу и суд, оно не может отказать в том же и образованным сословиям, а посему следовало бы как можно скорее привести к окончанию предположение о гласном судопроизводстве—этом краеугольном камне государственной реформы и едва ли не первой насущной потребности нашего общества. Этим правительство удовлетво-

рит законным желанием всех людей благомыслящих и даст занятие и пищу тем личностям, которые, за недостатком оных, бросаются ныне с такою жадностью на чтение возмутительных статей некоторых заграничных журналов; то же самое юное поколение, которое употребляет свободное от своих уроков время на чтение запрещенных изданий, устремится тогда в публичные заседания судов и в зрелище живой борьбы между законностью и личными стяжаниями и другими пороками, будет изучать на самом деле современную нашу жизнь и отечественные наши законы; в-третьих, нельзя не сознаться, что в настоящее время существует сильное раздражение во всех классах общества, и это раздражение объясняет возрастающее сочувствие ко всем демагогическим выходкам наших заграничных пропагандистов. Не трудно было бы правительству значительно успокоить умы, действуя ныне более осторожно на поле нашей отечественной журналистики и не допуская ей без всякой нужды раздражать все сословия. К чему, например, допускать печатное обнародование тех именно распоряжений губернских и уездных мировых присутствий, которые имеют единственную цель — более и более раздражать и без того уже раздраженное дворянство? Уничтожение крепостного права можно уподобить необходимой, но мучительной операции, которую рука медика обязана была совершить над человеком, удрученным опасной болезнью. Операция была неизбежно необходима. По требованию правительства дворяне ей подчинились, но за сим, нам кажется, следует обращаться с сословием землевладельцев точно так же, как опытный и человеколюбивый врач обошелся бы с больным, над которым только что совершил тяжелую и мучительную операцию, т. е. не волновать и не приводить в негодование больного без всякой явной необходимости, по крайней мере до тех пор, пока рана не станет заживать. Какая цель в опубликовании таких распоряжений, как, например, посредника Ярославской губернии, который наложил 5 р. серебром штрафа на помещика за то, что тот, будучи одержим мучительной болезнью (*tic douloureux* *), не мог явиться к посреднику в назначенный день, или, например, подобного же действия мирового посредника Калужской губернии, который пришедших к нему крестьян для утверждения уставной грамоты, совершенной ими с помещиками по вполне взаимному соглашению, убеждал долго и настойчиво в том, что они имеют право платить оброк гораздо менее назначенного Положением <...>³

Итак, лучший способ парализовать пагубное влияние «Колокола» и подобных ему журналов есть постепенное и неуклонное удовлетворение законным и справедливым желанием общества и твердое направление современной литературы к успокоению умов, к залечению свежих ран и к распространению убеждения, что только при твердом и сильном правительстве и при теплом содействии ему всех классов общества Россия может быть благополучна!

Правленная копия. ГПБ, ф. В. А. Цез, д. № 97, лл. 5—8 об., 10. Там же хранится черновой автограф записки. Подлинник записки В. А. Цез, представленный им министру народного просвещения А. В. Головнину 27 мая 1862 г. и имеющий несколько более общий характер, чем публикуемая копия, находится там же, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 66—73.

¹ Дата устанавливается по докладной записке от 27 мая 1862 г. председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез министру народного просвещения А. В. Головнину «О всей системе его действий по цензуре». См.: ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 100, лл. 65—73.

² В начале записки дается общая оценка «Колокола».

³ Далее опущены рассуждения о необходимости запрещать статьи, «возбуждающие страсти и направленные против целых сословий».

1861 г. Мая 4.

ПРОШЕНИЕ Н. В. ЕЛАГИНА ¹
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНЗУРЫ

В октябре 1859 года привезена в Россию напечатанная мною за границею книга под заглавием: «Искандер-Герцен». Об учении Герцена говорить много нечего, оно всем известно. Издания его тайным путем распространялись во множестве по России и читаются с жадностью; их официально находили у крестьян, в их домах, в Нижегородской губернии.

В опровержение пагубного учения Герцена вышла одна лишь названная выше книга. В ней не указываются в подробности теории разрушительного учения, а приводятся только некоторые мысли, достаточные, чтобы оттолкнуть от Герцена всякого благонамеренного человека, при этом в книге раскрывается вся жизнь Герцена, показывается отступление его от бога, от своего отца и от всех нравственных начал.

Книга сия известна государю императору, вашему высокопревосходительству и многим лицам высшей администрации. От всех слышны о ней одобрения. Несмотря на это, комитет цензуры иностранной до сего времени не разрешил оной к продаже.

Составление книги, печатание ее за границей, перевозка сюда и коммерческая выгода книгопродавцев при продаже может только окупить издание.

К выпуску книги побудила меня нравственная цель: охранение веры, ограждение трона и польза отечества.

Остановка благонамеренного и полезного сочинения против Герцена подавляет усердие действовать ко благу общества, останавливает в других благородный порыв к уничтожению зла.

Не колеблясь, в уверенности, что ваше высокопревосходительство изволите принять милостиво мое прошение, почтительно представляю при сем экземпляр названной книги и всепокорнейше прошу благосклонного распоряжения к дозволению выпустить оную в свет беспрепятственно.

Статский советник Е л а г и н

На прошении резолюция от 20 мая 1861 г.: На основании цензурных правил отказать.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 8, д. № 193, л. 2.

¹ Николай Васильевич *Елагин* (1817—1891)—цензор, крайний ретроград. В 1859 г. напечатал в Берлине книгу-пасквиль «Искандер-Герцен» и ходатайствовал о разрешении продавать ее в России. Только 28 апреля 1862 г., т. е. незадолго до начавшегося похода реакционной прессы во главе с Катковым против Герцена, Елагин получил разрешение распространять свою книгу в России.

1861 г. Мая 16.

ОТНОШЕНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА
КОМИТЕТУ ЦЕНЗУРЫ ИНОСТРАННОЙ

Рассмотрев доставленный при отношении Комитета цензуры иностранной от 5 сего ноября 1859 г. за № 705, экземпляр сочинения г. Елагина под заглавием: «Искандер-Герцен», С.-Петербургский цензурный комитет находит, что содержание этого сочинения заключается в опровержении (как сказано на странице V предисловия) ругательных сочинений против России, издаваемых за границею А. Герценом и по настоящее время непозволенных к обращению в России. Бывший г. министр народного просвещения граф С. Уваров, предложением от 31 мая 1849 г. за № 695, сообщил С.-Петер-

бургскому цензурному комитету к точному исполнению, что государь император высочайше повелеть соизволил: «Самым решительным образом запретить, на каком бы языке ни было, критики, как бы благонамеренны ни были, на книги и сочинения запрещенные и потому не должны быть известными».

С.-Петербургский цензурный комитет, имея в виду означенное высочайшее повеление, признал невозможным допустить сочинение г. Елагина под заглавием «Искандер-Герцен» к обращению в России,— о чем и имеет честь сообщить Комитету цензуры иностранной с возвращением бывшего на рассмотрении экземпляра сей книги.

Подписал: председатель И. Д е л я н о в
Скрепил: секретарь комитета Ст. З а г и б е н и н

Копия. ЦГИАЛ, ф. № 772, оп. 8, д. № 193, л. 3—3 об.

4

1862 г. Апреля 26

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
АЛЕКСАНДРУ II

В 1859 г. цензор Елагин напечатал в Берлине под заглавием «Искандер-Герцен» опровержение всей системы ложных идей, распространяемых Герценом. В составлении этой книжки участвовал и принял на себя издержки на издание оной (до 4000 р.), по совету московского митрополита, благочестивый пермский помещик Дягилев. В то время цензура не дозволила продавать эту книгу, так как запрещено было произносить печатно имя Герцена, и 3000 экземпляров лежат до сих пор в кладовых цензурного комитета.

Признавая весьма полезным распространение этой книги и представляя при сем экземпляр оной, имею счастье всеподданнейше испрашивать разрешение вашего императорского величества продавать оную на том же основании, как дозволена брошюра Шедо-Ферротти¹.

Статс-секретарь Г о л о в н и н

Резолюция Александра II: Можно. Книгу я оставил у себя.

Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головнина, д. № 98, л. 255.

¹ Первая брошюра Шедо-Ферротти, направленная против Герцена, была выпущена в Берлине в августе 1861 г. («Lettre à monsieur Herzen»). В декабре 1861 г. он опубликовал брошюру «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями К. Д. Шедо-Ферротти» в ответ на опубликованное Герценом в «Жолоколе» письмо от 15 октября 1861 г. к русскому послу в Лондоне барону Бруннову «Бруты и Кассии III Отделения». Эта вторая клеветническая брошюра Фиркса была издана за границей на русском и французском языках и допущена к свободному распространению в России.

5

1862 г. Апреля 28.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА

Государь император высочайше соизволил разрешить продавать находящиеся в комитете цензуры иностранной экземпляры изданной в 1859 году гг. статскими советниками Елагиным и Дягилевым книги: «Искандер Герцен». Заготовить о сем уведомление: министру вн. д. В. Долго-рукову, г. Елагину (Никол. Вас. в доме катол. церкви на Михайл. пл.) и

г. Дягилеву (в Фуршт. в соб. доме) и предложение комитету выдать все экземпляры г. Елагину.

Статс-секретарь Головин¹

Подлинник ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 88, л. 1.

¹ В том же деле приложены черновые отпуски уведомлений от 28 апреля 1862 г.: Комитету цензуры иностранной (№ 719), министру внутренних дел (№ 720), С.-Петербургскому военному генерал-губернатору (№ 721), Московскому военному генерал-губернатору (№ 722), Собств. е. и. в. канцелярии (№ 723), Николаю Васильевичу Елагину (№ 724), Павлу Дмитриевичу Дягилеву (№ 725).

6

1862 г. Апреля 21.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА М. П. ЩЕРБИНИНА¹
УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
А. В. ГОЛОВНИНУ

В Московский цензурный комитет поступило на рассмотрение назначенное к помещению в газете «Наше время» «Письмо к Герцену».

Признавая статью вполне благонамеренною, Цензурный комитет затрудняется одобрить оную, имею в виду предписание Главного управления цензуры от 18 июня 1860 г. за № 975, коим не дозволяются критики на сочинения и книги запрещенные, а посему честь имеет представить корректурные листы статьи на благоусмотрение вашего высокопревосходительства.

Председатель комитета, сенатор, тайный советник

М. Щ е р б и н и н

Помета: Высочайше разрешено. Ст. секр. Головин. 23 апр. 1862.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 80, л. 1.

¹ Михаил Павлович Щербинин (1807—1881) — в 1860—1865 гг. член Главного управления цензуры и председатель Московского цензурного комитета.

7

1862 г. Апреля 23.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
АЛЕКСАНДРУ II

Тайный Советник Щербинин просит моего разрешения напечатать в московской газете «Наше время» прилагаемое письмо профессора Чичерина к Герцену, написанное в 1858 году и напечатанное тогда в «Колоколе». Находя поступок Чичерина смелым и благородным и будучи уверен, что обнародование весьма умного письма принесет пользу, имею счастье испрашивать повеления вашего императорского величества. Я не решился сам дозволить это печатание, так как подобное письмо Шедо-Ферроти, дозволенное к продаже, было напечатано за границей.

Статс-секретарь Головин

Сверху резолюция Александра II: Можно. В нем много хорошего и справедливого.

Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 98, л. 257.

8

1862 г. Апреля 24.

ПРЕДПИСАНИЕ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОСКОВСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА
М. П. ЩЕРБИНИНУ

Возвращая представленное мне Московским цензурным комитетом от 21 сего апреля предназначенное к помещению в газете «Наше время» «Письмо к Герцену», имею честь уведомить ваше превосходительство для предложения Комитету, что государь император высочайше соизволил разрешить напечатание этого письма.

Управляющий министерством статс-секретарь Головин

Отпуск. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 80, л. 2.

9

1862 г. Июля 26.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
АЛЕКСАНДРУ II

Имею долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству статью против Герцена, помещенную в июньской книжке «Русского вестника»¹. По желанию князя В. А. Долгорукова², я сделал распоряжение, чтоб превосходная эта статья была перепечатана в газетах, имеющих большее число подписчиков³.

Статс-секретарь Головин

Помета Александра II о просмотре им записки А. В. Головина.

Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 100, л. 155.

¹ Речь идет о статье Каткова, опубликованной под заглавием «Заметка для издателей „Колокола“» в июньском номере «Русского вестника» за 1862 г. (т. 39, стр. 834—852). Журнальная вырезка статьи приложена к докладной записке А. В. Головина. См.: ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 100, лл. 159 об.—168 об.

² Василий Андреевич Долгоруков, кн. (1804—1868) — с 1856 г. шеф жандармов, начальник III Отделения.

³ Кроме «Сына отечества», статья Каткова была перепечатана и некоторыми другими газетами: «Северной пчелой» (№ 212), «Домашней беседой» (№ 32), «Journal de St.-Petersbourg» (№ 196).

10

1862 г. Июля 27.

ПИСЬМО МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЗ

Я просил редактора «Сына отечества» перепечатать статью против Герцена, помещенную Катковым в «Русском вестнике», но не прибавлял, что для него нужно согласие Каткова, полагая, что это само собою разумеется. Сделай одолжение, объясни г. Старчевскому¹, что весьма желательно перепечатать статью, но с согласия автора.

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цез, д. № 10, л. 23. См. «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 63.

¹ Адельберт Викентьевич Старчевский (1818—1901) — журналист. С 1856 по 1865 г. издавал газету «Сын отечества».

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
АЛЕКСАНДРУ II

Имею долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству номер «Сына отечества», в котором перепечатана статья Каткова против Герцена¹. Я выбрал этот журнал потому, что он имеет 19 000 подписчиков.

Статс-секретарь Головин

Помета Александра II о просмотре им записки А. В. Головина.
Подлинник. ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 100, л. 171.

¹ Речь идет о перепечатанной из «Русского вестника» статье Каткова (см. примеч. 1 к документу № 9). К докладной записке А. В. Головина приложена вырезка из «Сына отечества» от 28 июля 1862 г., № 180. См.: ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 100, лл. 174—175.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПИСЬМО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ П. А. ВАЛУЕВА
МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ

Милостивый государь
Александр Васильевич.

В последствии отношения моего от сего числа за № 2370 о корреспонденции из Новгорода, помещенной в «Северной пчеле»², долгом считаю сообщить вашему превосходительству, что направление этой газеты в последнее время заслуживает особого внимания. Статья в защиту Герцена против Каткова, статьи по крестьянскому делу, отдел иностранных известий, наконец, характеристическое направление новгородского корреспондента, который не мог быть избран иначе, как из числа ближайших сотрудников редакции, обличают сию последнюю в таких стремлениях, которые терпимы быть не могут.

Я полагал бы необходимым предварить издателя «Северной пчелы» г. Усова, что если и впредь в его газете явится какая-либо статья одинакового с прежними направления, то издание будет на время прекращено. Имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня по сему предмету отзывом и принять уверение в моем истинном почтении и совершенной преданности.

Петр Валуев

На письме помета А. В. Головина: Прошу г. председателя С.-Петербургского цензурного комитета доложить неотлагательно объяснение. Статс-секретарь Головин. 12 сентября 1862 г.

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 4—4 об.

¹ Петр Александрович Валуев, граф (1814—1898) — с 1861 по 1868 г. министр внутренних дел. Проводя «либеральную» политику, диктуемую сверху, Валуев в то же время поддерживал журнальную полемику против Герцена и нападки на него Каткова.

² В тот же день, 11 сентября 1862 г., Валуев обратил внимание А. В. Головина «на неприличную в высшей степени корреспонденцию от 7 сентября из Новгорода в № 243 „Северной пчелы“», одновременно запрашивая об имени автора корреспонденции (ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 1—1 об.). К письму Валуева приложен экземпляр «Северной пчелы» от 10 сентября 1862 г., № 243, где на первой странице помещена корреспонденция: «Из Новгорода (от нашего собственного корреспондента). 7-го сентября» (там же, лл. 2—3).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ПИСЬМА
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА В. А. ЦЕЗ
МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНУ

Милостивый государь
Александр Васильевич.

Вследствие сообщенных мне вашим превосходительством отношений г. министра внутренних дел от 11 сего сентября за № 2370¹ и 2372, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что я вполне разделяю мнение г. статс-секретаря Вадуева о неуместности помещения в № 243 «Северной пчелы» статьи по крестьянскому делу <...>² Равным образом нашел я крайне неприличным корреспонденцию из Новгорода, автор коей, отставной чиновник Василий Алексеевич Слепцов (жит. на Мойке, в доме кн. Голицыной), вполне подлежит за нее законной ответственности <...>

Что же касается до статей о Герцене и Каткове, то за исключением нескольких строк, помещенных в № 203 за подписью А. Б. и за которые я лично сдал замечание г. Усову, прочие статьи, помещенные в №№ 212 и 213³, по моему искреннему убеждению, не только не заслуживают упрека со стороны цензуры, но *вообще благонамеренны* <...>

Василий Цез

Подлинник. ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, л. 5—5 об.

¹ См. документ № 12.

² Здесь и дальше нами опущены некоторые частные подробности о предостережениях, сделанных редакции «Северной пчелы».

³ Указанные экземпляры «Северной пчелы» приложены к письму В. А. Цез № 212, за 1862 г. — с «Заметкой для издателей „Колокола“» и № 213 за 1862 г. — с заметкой без заголовка, начинающейся словами: «Заметка „Русского вестника“, с которою вчера могли познакомиться читатели нашей газеты...» (ЦГИАЛ, ф. № 773, оп. 1, д. № 245, лл. 7—10).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ЗАПИСКИ ЦЕНЗОРА М. И. КАСТОРСКОГО
«СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ СТАТЕЙ, ЗАПРЕЩЕННЫХ ЦЕНЗУРОЙ В 1862 г.
(ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРТИИ)»¹

...² Злосчастные нападения на г. Каткова за ответ его Герцену представляют самое прискорбное явление, показывая знамя, под которым действует каждый журнал. Еще прискорбнее то, что редакторы утверждают, будто от такого означения знамени их журнала зависит число их подписчиков. Вот отчего произошло, что один журнал, разобрав всю деятельность г. Каткова, дошел целым рядом доказательств, что он — г. Катков — заслуживает того предикта, который г. Катковым приписан так справедливо ругателю Герцену. «Ложь, — говорит этот журнал³, — в каждой строке у г. Каткова ложь, и ложь гнусная» <...>⁴

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цез, д. № 26, л. 9—9 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 42.

¹ 12 декабря 1862 г. эта записка в копии была представлена Александру II министром народного просвещения А. В. Головинным. См. ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 102, лл. 160 об. — 161 (см. XV, 370).

² В начале записки дается общая характеристика запрещенных статей.

³ Из статьи «Герцен и Катков», представленной в цензуру журналом «Светоч» и запрещенной в 1862 г. (XV, 446). Была опубликована в «Сборнике статей, недозволенных цензурой в 1862 г.», т. II, СПб., 1862, стр. 263. Ср. также анонимную статью «Гг Герцен и Катков» в газете «Правдолюбивый», от 1 декабря 1862 г., № 10 (XV, 574—575).

⁴ Далее идет разбор запрещенных статей, направленных против государственного устройства в России.

1863 г. Январь

ПИСЬМО ЧЛЕНА РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»
Д. Ф. ЩЕГЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЮ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО
КОМИТЕТА В. А. ЦЕЭ

Милостивый государь Василий Андреевич.

В октябре прошлого года редакция «Библиотеки для чтения» представила в цензуру статью под заглавием: «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом», которая была тогда не допущена к печати.

После этого автор сделал важные изменения в статье; изменилось и общественное настроение умов. Может быть, по этой причине ваше превосходительство дозволили действительному статскому советнику Касторскому снова внимательно и строго просмотреть переделанную статью.

Г-н цензор Касторский объявил мне, что он с некоторыми изменениями согласен пропустить статью, но не может на одного себя взять ее апробацию по двум причинам: во-первых, по важности отношений г. Герцена к юному поколению (сам автор статьи просит высшей цензуры, а не обыкновенной); во-вторых, потому, что статья написана частью в оправдание русской журналистики, нападавшей на г. Каткова после его полемики с г. Герценом. Г-н цензор считает для себя необходимым содействие вашего превосходительства или других цензоров, знакомых с отношением разных литературных органов к г. Каткову.

Находя затруднение г. цензора совершенно основательным, я покорнейше прошу ваше превосходительство, если вы не имеете времени снова заняться довольно большою статьею, поручить пересмотр ее еще нескольким цензорам. Причем, если мне это позволено, я указал бы на гг. Лебедева и Веселаго. Я позволяю себе с некоторою настойчивостью просить особенного внимания к статье, потому что сознаю великую важность ее после всего, что было писано по поводу статьи г. Каткова.

В ряду других статей, напечатанных в «Библиотеке для чтения», она составляет совершенную необходимость. Редакция «Библиотеки для чтения», как вашему превосходительству известно, взяла на себя, между прочим, задачу опровергать все вредные общественные учения, откуда бы они ни появлялись. Исполняя эту задачу, предлагаемая статья критикует важнейшие пункты учения г. Герцена и осуждает их. Но автор, занявшись этим предметом, находит, что полемика, которую вел г. Катков против г. Герцена, не есть полемика мнений, а только полемика личности, и указывает, что именно вследствие этого статья г. Каткова возбудила всеобщее осуждение в русской журналистике. Кроме того, автор указывает, что там, где г. Катков как будто делает полемику мнений, он делает весьма неосновательно и без достаточного знания дела. Таким образом, автор надеется, что, соблюдая, по возможности, беспристрастие, он будет содействовать опровержению вредных учений в самом их корне.

При этом редакция «Библиотеки для чтения» позволяет себе представить на суд вашего превосходительства следующие соображения. Если цензура позволит ей только опровергать вредные учения, не отдавая справедливости авторам их даже в мелочах или в личных спорах, то редакция «Библиотеки для чтения» осуждена на очевидную для читателей несправедливость, и потому голос ее не будет иметь никакой силы, не будет пользоваться необходимою для нее доверенностью.

И так как редакция в том же самом полагает свою задачу и в будущем и так как легкомысленные общественные учения продолжают грозить серьезною опасностью общественному развитию, то недопущение к печати критических статей вроде той, которая представляется теперь на суд вашего превосходительства, лишает редакцию возможности выполнить свою зада-

чу, которая в этом случае, по ее мнению, вполне согласна с видами нашего правительства.

Считаю нужным прибавить, что предлагаемая статья написана вследствие разрешения г. министра народного просвещения А. В. Головнина, который не мог ее прочитать сам только потому, что Цензурное управление переведено в ведомство Министерства внутренних дел¹.

Так как статья готовилась на рассмотрение г. министра народного просвещения, то она написана так осмотрительно, что не допускает значительных изменений ни в выражениях, ни в развитии мыслей.

В этом же номере «Библиотеки для чтения» будет помещена статья против людей, которые на всю Россию кричат, что они подвергаются доносам и страданиям со стороны правительства и обскурантов². Под обскурантами в этом случае разумеются защитники государственного единства и противники польской пропаганды в Западном крае. Такие статьи не могут более являться, если цензура запрещением других статей будет нарушать равновесие в направлении журнала. Мы издаем журнал не правительственный, и превратиться в агентов правительства мы не можем; да и само правительство от нас этого не захочет. По смыслу временных правил по делам книгопечатания правительство желает видеть в журналистике не агентов, которые бы только исполняли то, что им прикажут, а добровольных сотрудников, приносящих на пользу общества свои познания, способности и наблюдения, которым оно позволяет критиковать и осуждать даже свои собственные распоряжения.

Мы сами желаем сколько возможно больше содействовать правительству в исполнении его разных задач, и, выходя из этой точки зрения, мы просим особенного внимания к тем статьям, в которых мы стараемся это делать. Мы просим, ваше превосходительство, не ослаблять наших усилий, не ставить нас в необходимость потерять доверие наших читателей, которые ждут от нас изложения наших собственных мыслей, а не одних мыслей правительства³.

Член редакции «Библиотеки для чтения» Д. Щ е г л о в

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цез, д. № 39, лл. 1—2. См. «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

¹ Цензура перешла из ведения Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел 10 января 1863 г. (см. «Полное собрание законов Российской империи», собр. второе, т. 38. СПб., 1866, стр. 61, № 39162).

² В январском номере «Библиотеки для чтения» за 1863 г. такой статьи нет.

³ Статья «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» не была опубликована в «Библиотеке для чтения» ни в 1862 г., ни в 1863 г. В журнале была опубликована другая статья: «Несколько слов о литературных заслугах г. Каткова (Материалы для прагматической истории русской журналистики за последние годы)», подписанная «М. К.» (по всей вероятности, инициалы М. И. Касторского. См.: «Библиотека для чтения», 1862, № 12, отд. II, стр. 20—53; ср. также у Лемке — XV, 446—447).

ОТЗЫВ А. В. ПЕЛИКАНА О СТАТЬЕ

«ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ г. КАТКОВЫМ и г. ГЕРЦЕНОМ»

Прежде изложения мнения моего о статье «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом», я считаю необходимым упомянуть о тех общих положениях, на которых мнение это основано.

Нет никакого сомнения, что на науки неограниченная свобода печати может иметь только благодетельное влияние. Если при такой свободе будут с одной стороны высказываться ложные идеи, то они тем же путем будут и опровергнуты и безапелляционно осуждены. Для торжества истины свобода печати не только полезна, но она до того необходима, что предва-

рительная цензура представляется в этом отношении какою-то аномалией. Развитие публики, интересующейся такими сочинениями, стоит на столь высоком уровне, что ее не может увлечь ни безобразная ложь, ни блестящий парадокс, ни хитрый софизм.

К несчастью, нельзя сказать того же, удаляясь из области чисто научных вопросов. Круг читающей публики начинает расширяться, и в состав его попадают личности, способные легко заблудиться в хаосе разнообразных противуречий. Существование предупредительной цензуры имеет тут свое оправдание.

Есть, однако, еще третий разряд публики — это публика, читающая по случаю, без предварительного стремления к чтению вообще. На нее имеет влияние не только содержание, но и самая форма того, что печатается, потому что она кидается исключительно на сочинения, представляющиеся уже по форме своей легкими для чтения. Самая строгая цензура, равняющаяся опеке над малолетними, представляется в этом случае разумною.

Рассмотренная мною статья предназначается (как ваше превосходительство изволили мне объяснить вследствие вопроса моего) для «Библиотеки для чтения», журнала довольно значительного по объему и мало распространенного; следовательно, статья эта будет читаться средним разрядом публики.

Имея это в виду, при чтении статьи, я обращал внимание не на то, правду ли говорит автор, но на то, нет ли в словах его чего-либо предосудительного.

Общий смысл статьи «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» заключается в следующем: сначала не было возможности говорить в России печатно вообще о наших эмигрантах и в особенности о Герцене. Это не достигало цели правительства, заключавшейся в противодействии распространению учения Герцена, потому что масса наших заграничных путешественников была достаточным средством для пропаганды его. Напротив того, строгость эта послужила еще во вред: молодое поколение, вообще сильно симпатизирующее всем притесненным, смотрело на Герцена как на непогрешимого пророка и, не слыша ни одного опровержения тому, что им высказывалось, привыкло свято верить каждому его слову.

Потом явилось в «Русском вестнике» порицание образа мыслей и действий Герцена¹, и поклонники его получили право думать, что старая система уступила место новой: прежде нельзя было ничего говорить о Герцене, теперь его можно только бранить. Они на этом основании еще более уверовали в него; стало быть, он не один вздор городит, думали они, если против него принимаются такие меры. Неодобрительные отзывы, которыми все периодические издания встретили статью Каткова, упрочили этот взгляд и сверх того дали повод думать, что литература вся на стороне Герцена и идет вразрез с правительством². Между тем литература готова содействовать правительству во всех его благих начинаниях, но она думает, что о Герцене нужно или ничего не говорить или говорить все — и про и contra. Герцен как политический преступник подлежит действию известных законов, а как писатель он может быть подвергнут справедливой критике. Безусловное во всем осуждение его будет и не истинно и вредно. Не истинно оно будет потому, что и ему случалось говорить такие вещи, которым и правительство, и все благоразумные люди сочувствуют. Вредным же оно представляется оттого, что симпатизирующая ему молодежь, заметив несправедливость к нему в одном отношении, заподозрит искренность осуждения и тех его действий, которые в самом деле достойны порицания.

Кроме того, статья, как самое заглавие ее показывает, заключает разбор полемики Каткова и Герцена и критическую оценку деятельности того и другого. Все симпатии автора, несмотря на то, что в некоторых пунктах он расходится с Герценом, остаются на стороне последнего.

Вообще статья, несмотря на благовидный предлог — поколебать непогрешимость авторитета Герцена — написана с видимым к нему сочувствием; всесторонней, беспристрастной оценки Герцена она не заключает. Не менее того, я нахожу, что статья эта может быть допущена к печатанию с указанными выше ограничениями. Такое мнение я вывожу из следующих оснований: во-первых, из того, что в отношении к рассмотренной мною статье, как сказал уже, следует руководиться мыслью не об истине и лжи, но о вреде и пользе; и, во-вторых, из того, что напечатание этой статьи не только не принесет вреда, но будет полезно. В публике ходят толки и в литературе проскальзывают намеки на то, что Катков и Павлов подкуплены правительством, а потому и порицают действия Герцена. Лучшим опровержением этих толков будет появление статьи, доказывающей, что о Герцене можно отзываться с похвалою даже и тогда, когда он этого не заслуживает. Не все думают так, как автор настоящей статьи, и она вызовет более серьезную критику образа мысли Герцена, которая, в свою очередь, принесет несомненную пользу, благотельно освежив умы молодежи.

Но не должно забывать, что о Герцене нельзя говорить всего ни про, ни contra. Если возможен еще диспут о его убеждениях нравственных, экономических и социальных, то политические убеждения его должны оставаться неприкосновенными. В этом отношении Герцен как революционер не может терять * официальных защитников. И справедливость требует, да и *par pudeur* * не следует дозволить нападать на него с этой стороны. В настоящей статье автор не высказывает своего суждения о политическом значении Герцена, но оно просвечивает между строк настолько, чтобы могло быть понято и лишилось возможности вызвать критику. Подобные места должны быть исключены из статьи, и потому я отметил их красным карандашом. Сюда принадлежит, например, рассуждение о том, что можно быть политическим преступником и в то же время человеком честным. Если под честностью разуметь отсутствие таких фактов, как воровство и прочее, то он прав. Но правительство иначе смотрит на дело. В глазах правительства измена есть бесчестное дело, а всякий политический преступник есть изменник и бесчестный человек. Следовательно, в словах автора заключается уже не ложь, а протест против правительства. Приведенные в статье примеры подтверждают это заключение. Тразибул, освободивший Афины от ига 30 спартанских тиранов, был честным человеком в глазах афинян, а в глазах спартанцев был преступником; зато первые не считали его преступником, а последние не почитали честным человеком. Пелопид, содействовавший Эпаминонду к возвышению Фив и к уничтожению спартанской гегемонии, только в глазах Спарты преступен. То же можно сказать о Маццини, Гарибальди и проч. Нельзя не заметить, что сравнение с этими людьми очень лестно для Герцена и очень удачно подобрано, но цензурою не может быть пропущено.

Кроме этого и подобных ему мест, отмечены мною еще следующие, подлежащие исключению:

1) Слишком смелые суждения о намерениях и видах правительства нашего, не подлежащих общественному суду. Я даже уничтожил бы во всей статье слово «правительство», потому что оно имеет слишком эластический смысл и не знаешь, кого именно следует разуметь под ним. В строгом смысле слова под именем правительства следует разуметь государя, потому что он один может действовать самостоятельно; все прочие исполняют его волю. Это не то, что в такой стране, как, например, Англия, где партии вигов и ториев поочередно делаются правительством и имеют свой особенный характер.

* из нравственного чувства (франц.).

2) Саркастические отзывы о таких установлениях, насмешка над которыми роняет их значение. Сюда принадлежит отчеркнутое место о формулах Каткова и Герцена, о цензуре и пр.

3) Суждение об известной прокламации «Молодая Россия», самое чтение которой почитается уже преступным.

4) Упреки в стремлении Каткова к вещественным благам, которые если и не сделаны с целью намекнуть на то, что он подкуплен правительством, то способны упрочить в обществе подозрение в этом,

и 5) Жалобы на стеснение цензуры. Сюда же принадлежат и те рассуждения, которые написаны явно с целью умиловить цензуру в отношении настоящей статьи и даже часто прямо к ней обращены. Цензура в таких просьбах не нуждается, а публика, прочитав их, может подумать, что статья только вследствие этих рассуждений пропущена; это поставит цензуру в невыгодное и даже смешное положение. О том, как надуть цензора, ходит много анекдотов, и настоящая статья, может быть, для них, без этого ограничения, послужит новой пищей.

В статье «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» есть еще рассуждение об атеизме. Сколько я знаю дело, предмет этот подлежит ведению духовной цензуры, которой и должен быть отослан на заключение. Если бы, однако, мне следовало высказать свое о нем мнение и если бы притом я не имел никаких особых для того наставлений, то я пропустил бы означенные рассуждения об атеизме к печати, исключив только слова: «*„Si Dieu n'existait pas il fallait (т. е. il faudrait) l'inventer“* *; эти слова сказал человек, которого г. Герцен напрасно ценит очень мало». Приведенная автором французская фраза приписывается всеми Вольтеру. Известно, однако же, что та же самая фраза была употреблена Робеспьером в речи его, произнесенной в клубе якобинцев против Hébert'a, 21 ноября 1793 г. (1er frimaire an II). Кого именно имел в виду автор, Вольтера или Робеспьера, можно решить только по тому, что его собственное рассуждение об атеизме весьма похоже на упомянутую речь Робеспьера. Если это так, то рекомендовать Герцену Робеспьера — по меньшей мере неприлично.

Подлинник, без подписи. ГПБ, ф. В. А. Цез, л. № 1, № 39, лл. 3—7 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

¹ Имеется в виду статья Каткова «Заметка для издателей „Колокола“».

² См. XV, 452—456, а также работы: З. П. Базилевой («Колокол» Герцена), М., 1949, стр. 199—200) и И. С. Смолина (указанная выше статья, стр. 69—70).

ЗАПISKA ЦЕНЗОРА Ф. Ф. ВЕСЕЛАГО О СТАТЬЕ
«ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ г. КАТКОВЫМ
И г. ГЕРЦЕНОМ»

Статья под заглавием «По поводу полемики между г. Катковым и г. Герценом» доказывает, что обвинения Каткова против Герцена до того несостоятельны, что произвели на большинство публики действие, противное ожиданиям писавшего, то есть, что статьи Каткова, вместо уменьшения доверия к Герцену, только усилили его авторитет.

Цель автора настоящей статьи парализовать такое вредное влияние Каткова и, разобрав беспристрастно мнения Герцена, показать действительные его ошибки. Статья написана умеренно и, рассматривая ее только с литературной точки зрения, могла бы быть допущена к печати с сделанными изменениями и исключениями, тем более, что об этом предмете писали уже г. Катков и г. Павлов (в «Нашем времени»).

* «Если бы бога не было, его нужно было (т. е. нужно было бы) выдумать» (франц.).

Но, принимая во внимание: 1) что, несмотря на указанную выше цель автора, многие читатели, сопоставляя сильные обвинения против Каткова со сравнительно слабыми против Герцена, могут, против желания автора, вынести впечатление в пользу последнего; 2) что явление этой статьи может возбудить в печати самую сильную полемику, в которой, разбирая литературную деятельность Герцена, невозможно будет не касаться и политической, тесно связанной с первой, — поэтому предварительного одобрения настоящей статьи необходимо решить общий вопрос — о пропуске в печать подобных статей.

Не имея права делать заключения, что полезнее в настоящее время: полная свобода мнений в печати о деятельности заграничной русской литературы или известная степень ограничения в этом отношении — Цензурный комитет, по моему мнению, без разрешения высшего начальства не может одобрить к печати настоящую статью.

Цензор Веселаго

Подлинник. ГПБ, ф. В. А. Цез, д. № 40, л. 1—1 об. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 44.

18

1862 г. Декабря до 9.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ АДРЕСОВАННОЙ АЛЕКСАНДРУ II
ЗАПИСКИ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ГОЛОВНИНА
«КРАТКОЕ ОБОЗРЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И
ГАЗЕТ И ОТЗЫВОВ ИХ ПО ВАЖНЕЙШИМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ И
ДРУГИМ ВОПРОСАМ ЗА 1862 ГОД»

...¹В половине же 1862 года журналистика, как верная истолковательница настроения всего общества, представляет весьма большое количество отзывов и нападок на так называемую «подпольную и заграничную русскую литературу», явление совершенно новое, замечательное и весьма отрадное. Не трудно убедиться, даже при самом поверхностном взгляде, что характер почти всех статей этого рода свидетельствует как о прочности нравственных убеждений большинства журналов и газет, так и о благоприятном для правительства влиянии журналистики нашей в 1862 году на общественное мнение². В этом отношении особенно выдалась «Заметка для издателя „Колокола“» в «Русском вестнике», послужившая поводом к целому ряду статей в газете «Наше время» и в «Северной пчеле», порицавших направление и деятельность издателя «Колокола» и с успехом изобличивших его в глазах тех близоруких людей, у которых до того времени он пользовался неопровержимым авторитетом*. Сознывая несомненную пользу такого направления, цензура считала не лишним дать некоторый простор статьям этого рода, имевшим целью противодействовать тенденциям «подпольной литературы» и некоторых заграничных агитаторов(...)³

Копия. ГПБ, ф. А. В. Головина, д. № 102, лл. 129 об.—130 об.; см. также копию с пометами председателя С.-Петербургского цензурного комитета В. А. Цез — там же, ф. В. А. Цез, д. № 31, лл. 5—6. См.: «Отчет Публичной библиотеки за 1912 г.», СПб., 1917, стр. 43.

¹ В начале записки дается общая характеристика периодической печати за 1862 г.

² Это утверждение Головина, стремившегося представить положение дел в выгодном для себя свете, находится в резком противоречии с докладами цензоров (см. выше документы №№ 14, 16, 17).

³ Опущено окончание записки о направлении литературы 1862 г.

* См. «Русский вестник», № 6 («Заметка для издателя „Колокола“»), «Наше время», №№ 113, 135 и 166; «Северная пчела», №№ 151, 156, 157, 168 и пр.—*Примечание А. В. Головина.*